

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Том Лоу

Ложный рассвет

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л81

Tom Lowe
A FALSE DAWN

A FALSE DAWN © 2009 by Tom Lowe

Школа перевода
В. Баканова

Оформление серии *А.Саукова*
Иллюстрация на суперобложке *В. Коробейникова*

Лоу, Том.
Л81 Ложный рассвет / Том Лоу ; [пер. с англ. Н. Н. Абдуллина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-91983-3

Шон О'Брайен повидал в жизни немало – пожалуй, даже больше, чем хотелось бы. Сначала служба в спецназе с командировками в Афганистан и Персидский залив, потом тринадцать лет работы детективом в убийном отделе Майами... После смерти жены он решил уйти на покой: поселиться где-нибудь во флоридской глуши, ходить в море на яхте да рыбачить. Но расстаться с прошлым не так-то легко. Как раз в той округе, где поселился О'Брайен, снова взялся за дело маньяк, в свое время ускользнувший от правосудия. Бывший детектив начинает расследование, но с удивлением обнаруживает, что для местной полиции он – главный подозреваемый...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-91983-3

© Перевод на русский язык. Н. Абдуллин, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э», 2016

Посвящается Керри

Святое место там,
где снова и снова можно находить себя.

Джозеф Кэмпбелл

От автора

Издание книги — это коллективный труд множества людей. Хочу поблагодарить всех, кто помогал мне донести первый роман до тебя, мой читатель. Я в неоплатном долгу перед покойной Рут Кавин, легендарным редактором издательства «Сент-Мартин пресс». Рут и ее команда первыми приняли Шона О’Брайена и помогли историям о нем обрести своего читателя. Благодарю Стива Гамильтона — он первым из лауреатов премии Эдгара По откликнулся на мою книгу.

Прежде чем моя книга попадает в руки профессионалов, самое больше влияние на нее оказывает еще один человек — моя супруга Кери. У нее прекрасные интуитивные редакторские способности и чувство структуры повествования. Она дарит мне время, пространство и возможность творить. А что еще важнее — она делает это с любовью.

Благодарю своих детей: Натали, Кэсси, Криса и Эшли. Они неустанно — и с чувством юмора — подбадривали меня, помогая найти компромисс, не потерять равновесие.

Наконец, выражаю признательность тебе, мой читатель. Без тебя круг не замкнулся бы. Работа писателя не сделана, а история не закончена, пока ее не прочтут. Лишь когда рассказ оживает в воображении читателя, круг замыкается. Я рад, что ты с нами в этом странствии.

Подойди ближе, присаживайся к костру — история начинается.

Пролог

Гектор Ортега нервничал: сегодня был его черед заниматься девушками. Он привел пассажирский фургон к задрипанному дому на колесах и заглушил мотор.

— Поторопись, — сказал Гектор напарнику. — Терпеть не могу страдать этой фигней по праздникам.

Напарник — здоровенный негр по имени Сайлас Дэвис — выбрался из пикапа и вошел в трейлер. Ортега тем временем пощелкал кнопкой на магнитоле, выбирая радиоволну. Фургон завибрировал от громкого регги.

Из бардачка Ортега достал пакетик с кокаином, насыпал себе на тыльную сторону ладони кривую дорожку и вдохнул белый порошок широкими ноздрями. Закрыв глаза, чувствуя, как наркотик начинает действовать, как ритм музыки пронизывает тело.

Приоткрыв веки, Ортега заметил, как в тени под дубом что-то шевельнулось. Кто-то следил за фургоном. Стоянку на полдюжины рахитичных трейлеров освещал единственный фонарь, однако наркотик усилил ночное зрение.

В тени стоял мужчина. Он пристально следил за фургоном.

Ортега потянулся к пистолету под сиденьем и включил фары. Из-под дуба, шатаясь, вышел черно-рабочий. В доску пьяный, сразу видать.

Алкаш кое-как доплелся до фонарного столба и, упершись в него спиной, расстегнул ширинку. Пустил в грязь желтую струю.

Ортега тем временем закурил сигарету. Глубоко затянулся и выдохнул дым через ноздри. Отложил пистолет на сиденье и, вскрыв пакетик чипсов, запустил в него грязную пятерню.

Пьяный рабочий пошел дальше. Одной рукой он прикрывал глаза от света фар, другой пытался застегнуть ширинку. Не устоял на ногах и плюхнулся ничком в лужу собственной мочи.

— Идиот, — пробормотал Ортега.

Сайлас тем временем привел к фургону пять девушек: все молоденькие, глаза от страха — как плошки.

— Вперед, дамы, — скомандовал Дэвис, открывая боковую дверь.

Четыре девушки опасливо вошли в темный салон и расселись по местам.

Анджела Рамирес задержалась. На ее красивое лицо падал свет из ближайшего трейлера.

— Шевелись! — приказал Дэвис.

Анджела бесстрашно посмотрела на него, точно воин — на заклятого врага.

— Я не шлюхой сюда работать приехала!

— Залезай уже в машину, — рассмеялся Дэвис. — Ночь коротка, а мы торопимся.

Он потянулся к ней, но тут во тьме по-волчьи взвыла собака. Дэвис обернулся... и Анджела сорвалась с места. Обезжав фургон, она устремила прямоиком к широкому помидорному полю.

— Вот сука! — выругался Дэвис.

— Лови ее! — прокричал Ортега. Обернулся к остальным девушкам и показал пистолет: — Не заставляйте меня хоронить вас в этих полях.

Анджела со всех ног бежала через плантации. Увязнув в грязи, потеряла туфельку. Дэвис без труда нагнал беглянку. Схватил, перекинул ее через плечо, точно истерящего ребенка, и отнес к фургону.

— Заткнись, дура! — процедил он сквозь зубы, швырнул ее в салон и захлопнул дверцу.

Ортега прицелился Анджеле в голову.

— Ты кем себя возомнила, а? За все ответишь! Смотри мне тут, не выделяйся, ясно?! — Он бросил окурок в окно. — Из-за тебя придется двери на замок запирать.

Дэвис сунулся в окно с пассажирской стороны и вытер тыльной стороной ладони кровь со щеки.

— Ты глянь! Эта сучка мне лицо расцарапала! — буркнул он. — Когти как у тигрицы.

— Мы ее проучим, — пообещал Ортега и сунул за ухо новую сигарету. — Сайло, там твой чел обоссался. Вон лежит в грязи и говне. По ходу, нажрался где-то.

— Надо же и рабочим жажду утолять.

— Я бы его тут и бросил. — Усмехнувшись, Ортега отвел фургон в сторону.

Дэвис подошел к рабочему, что валялся в луже грязи, перемешанной с блевотиной и мочой, и крепко пнул его под зад. Пьяница перевернулся на спину и медленно разлепил веки, щуря на свет фонарей больные, налитые кровью глаза. На мгновение они вспыхнули, точно покрытые пеплом угли на ветру.

— Вставай уже, гондон дырявый, — наклонился к нему Дэвис. — Чтоб в половине шестого утра сел на автобус.

Рабочий кое-как собрал глаза в кучу и вытянул руку, словно ребенок, что пытается ухватиться за

игрушку высоко над кроватью. Он натужно откашлялся и просипел:

— Чего пинаешься? Нехорошо пинать упавшего брата.

— Не брат ты мне, синяк сраный.

Снова опустившись в грязь, пьяница уставил красные щелки глаз в безоблачное ночное небо.

— Я же человек, а с людьми так нельзя.

Из темноты донеслись визг и шипение дерущихся кошек. Животные сцепились под трейлером, над входом в который горела лампочка без плафона. Внутри самого трейлера испуганно завопила женщина.

Вокруг лампочки тихим облаком роились комары и мотыльки.

Выехав на 46-ю трассу, Гектор Ортега глянул в зеркало заднего вида — проверить живой груз. Все, как он и ожидал: в глазах Анджелы Рамирес смирения так и не появилось.

Ортега не заметил черную машину, что выехала с боковой дороги и направилась следом.

Глава 1

Первым незнакомца заметила Макс, а после и я — краем глаза. Он стоял по грудь в воде в сотне ярдов от пирса, вниз по течению, и шарил длинным шестом, ища что-то на дне. Или кого-то. Ну вот, опять я о трупах. Ох уж эта служба в полиции.

Шел человек в мою сторону.

— Вот как цапнет его аллигатор, — сказал я.

Макс, моя десятифунтовая такса, склонив голову набок, просеменила к краю пирса и слегка заскулила. Незнакомец, шаря под водой, даже не взглянул в нашу сторону.

Я вернулся к прежнему занятию — зарылся в содержимое ящика с инструментами в поисках четырехдюймовых гвоздей. Под молотком обнаружился охотничий нож. Я снова посмотрел в сторону незнакомца: до причала ему оставалось еще добрых девяносто пять ярдов. Вот он спрятал что-то в заплечную сумку.

В первую войну в Персидском заливе мне довелось служить снайпером, и я все еще на глаз умел определить расстояние до цели и траекторию полета пули — чтобы потом по идее выстрелом из винтовки пятидесятого калибра с дистанции в четверть мили попасть в мишень размером с грейпфрут. Погода стояла безветренная, ряби на воде я не заметил. У незнакомца на

голове была широкополая шляпа, и я с места — будь у меня снайперка — мог бы всадить ему пулю точно в лоб, прямо над полями, по центру тульи.

Я крепко зажмурился. Хватит, не все кругом — враги. Не все вокруг потенциальные или состоявшиеся убийцы. Я прихлопнул здоровенную муху и сделал глубокий вдох. Была весна, и воды реки несли запахи пробуждающейся к жизни природы. Аллигаторы строили гнезда из песка, веток и ила. Цапли кормили вопящих птенцов живой рыбой. Цвели шиповник и жимолость.

Достав нож из ящика, я отложил его рядом на скамью. Через плечо глянул на незнакомца и стал заколачивать гвоздь, заменяя сломанную доску новой. Утро выдалось жаркое, температура уже перевалила за плюс двадцать пять. Голый по пояс, в джинсах, я обливался потом.

Как говаривал дядюшка Билл, ветеран Второй мировой, злиться — значит заколачивать гвозди в крышку собственного гроба. О войне он никогда не рассказывал, только о собственных демонах, с которыми ему потом приходилось бороться. Еще он говорил, что у каждого есть свой предел. Тринадцать лет в убойном отделе помогли мне понять, о чем толковал дядюшка Билл.

Душевная гниль — самое опасное, с чем сталкивается коп. В убойном отделе я не боролся с преступностью. Преступления совершались еще до нашего приезда. Боролся я с мотивацией, с выключателем, что шелкал в душе человека, позволяя отнимать жизнь ближнего. А она боролась со мной: проникла под коросту на теле души, скрывающую погасшие угли в самом моем нутре, и эти угли ожили. Они тлели во мне по ночам, когда я в поту просыпался от кошмаров.

Следующий гвоздь я вбил так глубоко, что шляпка ушла в дерево. Полгода назад моя жена Шерри скон-

чалась от рака яичников, и я перебрался сюда, в самую глушь Флориды, прихватив с собой Макс. Шерри купила крохотного щенка, когда я трое суток провел на дежурстве, в засаде. Собаку Шерри назвала Максин и позволила спать в изножье кровати, на собственном «собачьем» одеяле. Жена говорила, что в мое отсутствие только Максин имеет право согреть мое место в постели. Ну как с этим поспорить? Собачонка с грустными карими глазами и сердцем льва сделалась нашим спутником.

Теперь нас осталось двое, и Макс грела опустевшее место рядом со мной под одеялом. Я продал особняк в Майями и поселился в старом кракерском¹ доме с жестяной крышей, кучей комнат-пристроек, просторной верандой и шикарным видом на реку. Дом стоял на высоком прибрежном холме, по берегам высились раковинные кучи древних индейских поселений. Аборигены жили у реки, питались рыбой и моллюсками и оставили после себя горы костей и расколотых раковин.

— Если собачка подойдет слишком близко к воде, ее сцапает аллигатор.

Я резко обернулся. Незнакомец внезапно оказался в пятидесяти футах от причала. Ничего себе скорость! Неужели я так громко колотил молотком, что не услышал, как лает Макс? Она вообще лаяла? Такса, стоя на краю причала, виляла хвостом и глядела на незнакомца.

Шляпа у него на голове была ветхая, австралийская. Незнакомец шел по грудь в воде, прощупывая дно шестом. Макс тихо зарычала.

¹ К р а к е р (cracker) — исторически презрительное обозначение белой бедноты, особенно населявшей южные штаты. Впоследствии термин был присвоен сельскими жителями Джорджии и Флориды, которые сегодня носят его с гордостью, как знак происхождения от первых поселенцев.